

И. А. КУЩЕВСКИЙ

Петербургские газеты извещают, что 12 августа в Петербурге скончался писатель Иван Афанасьевич Кущевский. Покойный, получивший некоторую известность в литературе, несомненно обладавший талантом, принадлежал к числу литераторов, которых в последнее время дала Сибирь. Он был уроженец Барнаула и воспитывался в Томской гимназии, которую он отчасти описал в одном своем произведении. Он окончил курс в 1864 или 1865 году. Томская гимназия жила одно время литературной традицией и способствовала воспитанию не одного писателя. Еще в 50-х годах воспитанники ее, наклонные к чтению, составили кружок и развивали в себе страсть к литературе. Стремление это зародилось совершенно самостоятельно, так как учителя того времени не думали нимало развивать его. Ученики сами добывали книги, читали, обменивались мыслями и упражнялись в подражательной литературе. К числу этих лиц, занятых своим воспитанием, помимо школьного, принадлежало несколько молодых людей, впоследствии вышедших действительно на литературную дорогу, как Н. И. Наумов.

В 60-х годах при пансионе гимназии организованы были целые литературные вечера, где читались лучшие произведения и устраивались даже состязания. Затевалась даже газета в гимназии. На этих-то вечерах уже выдавался Кущевский своим литературным талантом и страстью писать. Окончивши курс, он поехал в университет, в Петербург, куда его манили наука, новая жизнь и литературное поприще. Курса в университете он не окончил; как большинству сибиряков, ему стала поперек дороги бедность. Пришлось обратиться прямо к литературе. Скоро он выдвинулся с произведением, на которое обращено было особенное внимание публики в свое время. В «Николае Негореве, или Благополучном россияnine» Кущевский выставил несколько типов молодого поколения последнего десятилетия, постепенное их развитие и волновавшие их страсти: очень вероятно, что это были многие из типов, проходивших мимо него в жизни. Здесь были личности увлекающиеся, полные молодого героизма, натуры страстные, благородные, мечтавшие об общем благе, и рядом с ними уже начавшие складываться практики и нового закала дельцы, смотревшие на все очами страсти и устроившие впоследствии свои личные делишки, как герой рассказа Негорев. Это был тип практиков, порожденных новою русскою жизнью. Тип этот был полон жизненной правды и задевал живую струну времени и русского общества, метко подмеченную. В обстановке детства своих героев Кущевский припомнил Томскую гимназию и ее древних педагогов.

К сожалению, его карьера как романиста этим и кончилась. Он не дал более ни одного романа, да и первое его произведение было, говорят, сильно урезано и оципано капризной редакторской рукой столичного литературного олимпийца; уверяют даже, что последняя часть романа была написана другим лицом. Понятно,

что это немного охладило молодого писателя. К тому же, для больших произведений требовался досуг, зрелое обдумывание, обработка произведения. Это необходимо для беллетриста, и не всем это выпадает на долю. Между тем нужда требовала немедленного спешного труда. Куцевский бросился искать работы на литературный рынок, и этот рынок поглотил его. Он кинулся в маленькую прессу, где думал найти больше простора и самостоятельности, но попал из огня да в полымя. Пруститься из большой прессы в маленькую было шагом назад. Куцевский начал работать фельетоны и строчить из-за куска хлеба. Материальные условия маленькой прессы для литератора еще хуже, нежели в большой. Он очутился в особой среде спекулянтов-издателей, разного литературного сброда наемных строчил, людей опустившихся, заседавших где-нибудь на Песках в грязных трактирах. Нечего говорить, что эта среда могла его только погубить. Он пробовал и в этой среде работать честно, независимо, мечтал даже, кажется, составить свою редакцию (попытка в «Новостях»), но это решительно не удалось. Безысходная борьба, бедность со всеми ее отчаянными последствиями довели его до падения и болезни. В 1874 году он был уже безнадежно болен и лежал в клинике. Затем он вышел и еще раз попытался отдаться литературе.

К последним эпизодам его петербургской жизни относится разоблачение личности одного из петербургских издателей, что вызвало против него процесс этого издателя. Куцевский был занят этим процессом в последнее время и думал связать его с обличением наживы в Сибири некоторых чиновников. Процесса этого он не дождался, и самая мысль его была крайне наивна. Не странно ли было видеть этого бедняка, заеденного жизнью, нуждой, обессиленного поденщиной,—вызывающим на бой издателя, сильного накопленным миллионом и литературными связями? Точно так же легкомысленны были его обличения модных писателей и брошенный им эпитет «жалкеньких рублей, переходящих из рук в руки, куда их помянут». Куцевский, разойдясь с представителями новой прессы, конечно, не мог уже найти сочувствия. Конец его был понятен.

Карьера Куцевского в Петербурге похожа на карьеру многих других его собратьев, как, например, явившихся из провинции искать широкого поприща и кончивших тем же, как и он. Без сомнения это подтверждает мнение ярых централистов, как г-н Мордовцев и другие, что в столичной литературе деятельность шире, лучше и выгоднее для литератора, который сумеет устроиться. Это вполне верно: личности, как Куцевский и Решетников, составляют, конечно, исключение—они не «умеют устроиться».

Но чем бы ни кончилась жизнь этого писателя, он дорог нам, как талантливая голь, выделенная нашим обществом. Он напоминает своим происхождением, что в отдаленной Сибири таятся в массе народа недюжинные силы, которые ждут только образования. Своею борьбою с жизнью среди столичной нужды и ли-

шений, своим несчастным концом он напоминает, что есть честные сердца, которые не идут на сделку.

Молодой-сибирский писатель, жизнь твоя не прошла бесследно! Краткий петербургский некролог найдет свой комментарий в нашем сердце. Прощай же, добрый земляк! Мы кидаем тебе наш родной венок на твою далекую могилу!

Газ. «Сибирь», 1876, № 40, 3 октября.

ДОСТОЕВСКИЙ В СИБИРИ

На окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит небольшой уездный город Омск с душевной атмосферой канцелярии, тяжелым запахом казарм и скучной физиономией казенных зданий. В нем находится старая упраздненная крепость с осыпавшимися валами. На углу ее на память сохранилась старая каторжная казарма, обнесенная частоколом. Это бывшее когда-то военно-каторжное отделение, впоследствии арестантские роты. Здесь когда-то провел несколько лет тяжелой жизни Ф. М. Достоевский. Несколько лет назад мы видели еще и этот частокол, и дворик, и казарму, увековеченные в «Мертвом доме». Эта тюрьма, находившаяся в г. Омске, ныне заменена новою военно-исправительною тюрьмою, не имеющею ничего общего с прежнею.

При посещении нашей старой катакомбы мы не могли отрешиться от воспоминаний и размышлений, чья жизнь тлела и догорала здесь, чей дух томился, скованный неволей...

Грязная казарма, закопченные стены, веявшие промозглым воздухом, арестантские нары, решетки и несколько отдельных затворенных келий для особых узников, обреченных на многие годы уединения,— вот что встречало посетителей.

Когда мы посетили отдельные камеры, кельи для особых преступников, на одном из подоконников мы едва могли разобрать сохранившуюся французскую надпись — это была надпись предсмертного стихотворения Шенье.

Эта надпись разом освещала вам психический мир неизвестного заключенного.

Человек, может быть, замечательной мыслительной силы, горячего сердца, пламенной веры в счастье человечества, человек с кипучей жаждой деятельности, с потребностью общественного дела в этих стенах умирал заживо. Здесь потухал безмолвно гений русской земли, впечатлительнейшая и нежная душа, готовая отдаться добру. Тогда-то передо мной среди этих размышлений и волнующих чувств еще резко выступила судьба Ф. М. Достоевского.

Впоследствии я сам изучил тюрьму и тюремный мир, я знал ее жестокие объятия, томительные дни, мучительные ночи. Последователь Достоевского в литературе в области исследования, со-